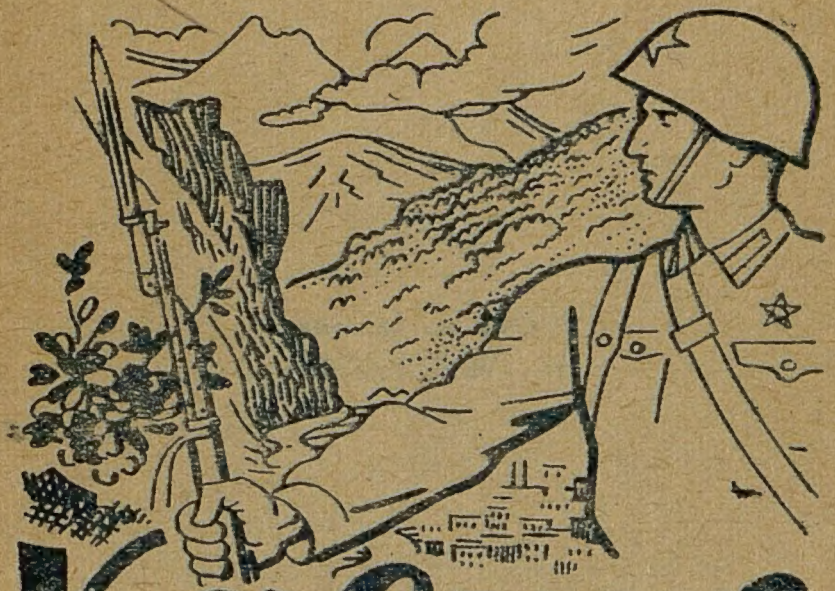
НА ФРОНТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

A
B107 190

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ



Кавказ

АРМГИЗ—ЕРЕВАН
1942

ОАК

Обложка художника
В. В. СУРЬЯНИНОВА

Отв. за выпуск
С. ШАВЕРДОВА

ВФ 4509. Заказ 842. Тираж 5000. 3/4 печ. листа.
В одном печатном листе 33120 знаков.
0,3 авторских лист.
Подписано к печати 10/XII—42 г.

Типография Армгиза, Ереван.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

77527/V V

КАВКАЗ

Кавказ—это слово звучит, как волшебство. С древнейших времен люди, завороженные, смотрели на горы Кавказа. На Арарате по преданию остановился ковчег: здесь заново началась жизнь. К суровой вершине Кавказа был прикован первый революционер — Прометей, вырвавший из рук небожителей огонь. Горный воздух—это трудный воздух: он слишком чист для непривычных легких. Кавказ был заповедником свободных сердец. Край вина, которое горячит, и край студеной горной воды. За свободу здесь отдавали жизнь. О свободе писал прозрачные стихи гуманист древности Шота Руставели. О свобо-

де пели песни, сухие и горькие, смуглые женщины Армении. Свободу защищали бойницы сванов, и дагестанский кинжал не держала рука раба.

Степь протяжна, как эпическая поэма, есть в степи—разбег, разгон. Лес загадочен, как жизнь. Горы—это большие и неудержимые страсти. Кавказ—это прежде всего горы. Это изумление человека, который видит, что облака пасутся под ним, как отара овец. Это мгновенный переход от зноя к стуже, от духоты долины к ветрам перевала. Человек в горах один-на-один с миром. Он бесстрашен. Его караулят тьма и враг. Он может позвать, он знает, что ему не изменят ни друг, ни эхо. С вершины он видит петли дороги и синий дымок аула. Ему мерещится: это жизнь. Он мудр с отрочества и в старости он легко седлает коня.

В культуре древней Грузии нас поражает сочетание цветистости и суровости, фантазии и простоты, нежности и мужества. На тончайших миниатюрах мы видим жизнь, подоб-

ную заколдованному саду, и строки старых поэтов сродни фонтану. Но этот сад защищали бесстрашные люди, и девушки умели слушать не только журчание фонтана, а и тревожный зов горного потока.

Любовь русской поэзии к Кавказу—это любовь к свободе. Среди скал и людей Кавказа первые русские романтики учились неистовству. К Кавказу припадали, как к ключу вдохновения, Пушкин и Лермонтов, Маяковский и Тихонов. Кавказ был для них не декорацией, не пейзажем, но школой отваги и непримиримости.

Нас потрясает на Кавказе простота нравов, гостеприимство и культ дома, ласковость и в то же время суровая догма чести, необычайный демократизм и уважение к старшим. Когда молодые русские поэты впервые пришли в саклю Сулеймана Стальского, старый ашуг их принял, как житель далекого края столичных гостей и как Данте учеников. В Тбилиси, в саду над Курой я слышал, как академик и два водовоза до ночи толковали

о жизни, а перед ними светляками роились огни дивного города. Я не забуду гортанного голоса старого и вечно юного Аветика Исаакяна, который читал: «И ты—голубая хрустальная святость большой путеводной звезды». Звезда народа—ее видели гусаны в годы порабощения и горя, звезда вела к свободе.

Не случайна связь народов Кавказа с русским народом: любовь к свободе, жажда правды, общая судьба связали их навеки. Нет кавказца, который не считал бы Пушкина своим, и нет русского, который без волнения слушал бы сказания и песни Кавказа. Вся Россия гордится Кавказом, как высотами культуры и как выражением своих сокровенных чувств.

Далеко от хрустальных вод Севана до Москвы, но Армения знает, что свобода Москвы—это свобода армян. 7 ноября прошлого года на Красной площади был парад. Его принимал великий полководец. Мимо Сталина проехал танк Михаила Багдарасяна.

Несколько дней спустя этот танк столкнулся с немецкими танками. Михаил Багдарасян очистил от немцев русское село. С отрогов Алагеза пришли два брата Арам и Гурген Берсегяны. Они пришли в степь к Дону. Тридцать три немецких танка двигались на хутор. Арам и Гурген кидали в танки бутылки. Герои погибли, но танки не прошли. В лесах Карелии воевал и погиб отважный лейтенант Саркис Казарян.

Москву защищал артиллерист генерал Леселидзе. В боях за Севастополь погиб Герой Советского Союза Михаил Гахокидзе. Он кидал в немцев гранаты. Не стало гранат — стрелял. Кончились патроны, он начал колоть немцев штыком. Под стенами древнего русского города Ржева грузин Чанчибадзе отдал приказ: «Мертвых похоронить. Живые вперед».

Поэт Азербайджана писал: «О, братья, будем в этот час несокрушимее скалы!» Азербайджанец Гусейн Алиев один вступил в бой с несколькими самолетами врага. Семна-

дцать ран было на теле Алиева, но его сердце было несокрушимее скалы. Он сбил врагов и победил.

На далеком Севере бьет немцев дагестанец-снайпер Алиев. В Смоленщине яростно сражается осетин Мамиев. Свыше сотни немцев истребил у Мурманска ингуш Аюп Манкиев. Кавказ не скуп: он умеет любить, он умеет и ненавидеть.

Идут жестокие бои за Кавказ. Гитлер, обломав зубы о развалины Сталинграда, хочет отыграться. Он захватил Нальчик. Он грозит Орджоникидзе и Грозному. Он видит во сне Баку и вожделенное Закавказье.

За Кавказ теперь сражаются русские и украинцы, белоруссы и узбеки. За свою гордость—за Кавказ сражается вся Россия. Немцы уже залили кровью аулы Кабарды. Они уже терзают женщин в селах Осетии. Они осквернили честь сакли. Они оскорбили народы Кавказа. Только немецкой кровью можно смыть это оскорбление.

Что для немцев Кавказ? Добыча. Нефть.

Вольфрам. Шерсть. Дадим ли мы поганым пивоварам взобраться на Казбек? Позволим ли мы фрицам пировать в садах Кахетии? Нет, не стерпит этого наше сердце! Мы должны остановить немцев. Мы должны прогнать их прочь. Нет ничего гнуснее, чем немец на Кавказе: рыжий, с квадратной головой, с пивным животом, с рыбьими глазами. Блудливый фриц, он оскверняет девушек чистых, как горный снег. Немец-автомат Фридрих Шмидт пришел, чтобы повесить бирки на шеи горцев, чтобы обратить в арестантские роты колыбель свободы.

Мы остановили год тому назад немцев у порога Москвы. Мы не впустили их в Ленинград. Когда немцы проникли в Сталинград, гнев и возмущение вдохнули новую силу в сердца защитников города, и немцев остановили—на улицах, среди развалин. За Москву умирали дети Армении и Грузии, Азербайджана и Дагестана. Неужели мы не остановим немцев на Кавказе? Для храброго нет ничего невозможного. Аргама Петросяна немцы взя-

ли хитростью—переодевшись красноармейцами. Немцы его пытали, вырезали на щеках звезды, выдергивали волосы. Петросян молчал. Ему сказали: «Рой себе могилу». Тогда Петросян лопатой ударил немца. Он схватил гранаты и бросил их в палачей. Один немецкий офицер ранил Петросяна в руку и в голову. Петросян кинулся на офицера и задушил его. Он взял бутылку с горючим и пополз к своим. По дороге он взорвал склад боеприпасов и был в третий раз ранен. Но он дополз. Его поддерживала такая ненависть к врагу, такая любовь к отчизне, что он не мог умереть, и он не умер.

Защитники Кавказа, на вас смотрит вся страна в эти суровые кануны омраченного праздника. Вспомните ноябрь 1941-го. Тогда немцы были сильнее. Тогда некоторым казалось—не быть Москве, не быть России. Но защитники Москвы сражались, как Аргам Петросян. Мы все в долгу перед Кавказом. Настали дни, когда Кавказ говорит: «Защитите». Не горы должны встать перед немцами—

люди. И люди не отступят. Люди станут горами.

Шумит поток. Слушай—он говорит: не отдадим! Дождь звенит: не отдадим! Ветер всю ночь шумит: не отдадим! И эхо отвечает: не отдадим! Это не эхо—это Россия: не отдадим Кавказа!

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОИК-73979
6167

Цена 25 коп.